

Литератур. - 1994 - 30 дек. - 97

Прекрасное пробуждает доброе

Сегодня — 90 лет со дня рождения
Дмитрия Борисовича Кабалевского

Он вполне мог бы дожить до этой даты: ведь его смерть в 1987-м была внезапной, почти мгновенной, а оттого как бы случайной. Впрочем, и в случайности есть своя закономерность.

Нет, скорее всего, не очень «вмонтировался» бы Дмитрий Борисович в сегодняшнюю действительность. Имею в виду даже не его приверженность официальной советской идеологии, которую — Бог знает, с какой степенью искренности — Кабалевский демонстрировал всю жизнь на самых разных ее этапах, от руководства журналом «Советская музыка» до депутатства в Верховном Совете СССР.

Я — о другом. О той основательности, скрупулезности, целенаправленности, с которыми привык Дмитрий Борисович делать дело. Нынче, в суматошную пору «музыкального рынка», его просветительские устремления выглядели бы едва ли не анахронизмом...

Недавно я перечитал некоторые

из вступительных слов Кабалевского к знаменитым «Музыкальным вечерам для юношества», что с 1968 года более десяти лет проходили в Колонном зале Дома союзов. Слово бы вновь услышал аристократический петербургский говор Дмитрия Борисовича. И поразился: в главном — ничего не устарело! Вот, например, это, о природе музыки, о сути, так сказать, мировой гармонии: «...все, что вокруг нас, — все звучит... Для чуткого музыканта звучит даже абсолютная тишина. Она может быть страшной и напряженной — после нее мы ждем бури и грозы; бывает она поэтичной и нежной, более выразительной, чем высказанные вслух слова признания в любви; а бывает она и печально сосредоточенной и торжественной, когда мы минутным молчанием чтим память ушедших». Так — просто и без вульгаризации, увлекательно и точно рассказывал он своим слушателям о Прокофьеве и Бетховене, Бахе и Щедрине, Моцарте и Чай-

ковском...

Другое дело, что систему эту приобщения к музыке, «систему Кабалевского» — абсолютизировали (к чему, надо отдать должное, приложил руку и он сам — действительный член Академии педагогических наук). Хотя в мире нет недостатка в иных, куда более эффективных по некоторым параметрам системах, развивающих у детей вкус не только к музыкальному восприятию, но — к самостоятельному творчеству.

Может быть, в такой ограниченности педагогической концепции Кабалевского сказалась общая черта его музыкантской личности, которой была более свойственна профессиональная уместность, «наученность», чем стихийная вдохновенность. Действительно, природа не дала ему столь непосредственного лирического дара, как, скажем, Прокофьеву или Дунаевскому, или Соловьеву-Седому, или даже Хренникову. Но оттого ничуть не меньше ценность созданных им светлых,

жизнеутверждающих образов, подобных очаровательному вальсу из кинофильма «Антон Иванович сердится», или песне «То березка, то рябина», или юморескам про озорных поросят, мельника, мальчика и осла... Увы, из моря написанной Кабалевским музыки — пять опер, четыре симфонии, шесть инструментальных концертов и прочее-прочее — сегодня звучит очень немногое. И это вряд ли справедливо.

Он бывал очень разным. Мог благородно возмущаться попытками некоторых ретроградно настроенных коллег — профессоров консерватории — не выдавать дипломы студентам — «авангардистам». А мог и сам нанести внезапный удар, напечатать разносную статью о формалистических извращениях в творчестве юного композитора, имевшего неосторожность на досуге доверить ему свои творческие изыскания.

Помнится и такая коллизия. Обсуждалась году в 1976-м на заседании секретариата Союза компози-

торов СССР Первая симфония Шнитке. Кабалевский был беспощаден к опальному новатору: это звуковой хаос, заявил он, издевательство над традициями классиков... Через десять лет в повторившейся ситуации (обсуждался Альтовый концерт Альфреда Гарриевича) Кабалевский нашел в себе мудрость (и мужество!) в присутствии автора выразить сожаление по поводу резкости тех давних слов, но подчеркнул, что притом не отказывается от их сути.

Он был частичкой нашей великой и несчастной интеллигенции, которая служила, и прислуживала, принимая жестокие правила игры, но в конечном счете сохранила отечественную культуру, пронесла ее через суровые десятилетия и вручила потомкам. «Прекрасное пробуждает доброе». Это его излюбленная формула. Так давайте же помянем сегодня то доброе, что успел за свой долгий земной путь сделать Дмитрий Борисович Кабалевский.

Сергей БИРЮКОВ.

Кабалевский Дмитрий
Д. Борисович

30.12.94.